

Колесо фортуны. Стихи немецких поэтов в переводе Льва Гинзбурга. Предисловие Маргариты Алигер. Москва, «Прогресс», 1976.

Немецкая поэзия XVII века в переводах Льва Гинзбурга. Москва, «Художественная литература», 1976.

Всюкую новую работу Льва Гинзбурга читатель встречает с интересом, ибо знает: предстоит знакомство с неизвестными еще поэтами и в знакомстве этом у него надежный посредник.

Беря в руки изданную в серии «Мастера поэтического перевода» книгу «Колесо фортуны», где собраны стихи немецких поэтов, я ожидал видеть в ней переводы, давно опубликованные и прошедшие «проверку временем». Конечно, такие работы в книге есть. Это прежде всего озорные, бунтарские, но и мудрые в своей бесшабашности песни вагантов; это и немецкие народные баллады, в непринужденных переложениях которых ощущаются традиции переводческой школы С. Я. Маршак, чьим учеником по праву считает себя Гинзбург. Есть в книге и стихи Иоганнеса Бехера, Эриха Вайнерта, Луи Фюрнберга, Кубы. Но все эти поэты представлены в книге по большей части лишь несколькими стихотворениями.

Зато многих других переводов в сборнике нет: из миннезингеров и из Брехта, из лирики времен Реформации и из поэзии революции 1848 года (Гервег, Фрейлиграт, Веерт). Что же заставило потеснить Гёте, Шиллера и Гейне, что помешало включить в книгу таких современных поэтов, как Пауль Целан, Эрих Фрид, Ганс Магнус Энциенсбергер?

Стремление открывать неизведанные еще страницы зарубежной лирики свойственно каждому поэту-переводчику. Вот почему, собирая эту книгу, Л. Гинзбург, видимо, меньше всего думал о так называемой «репрезентативности», о подведении пусть промежуточных, но все же итогов. И не случайно в книге — при всей скромности ее объема и при всей строгости произведенного отбора — нашли место стихи замечательных мастеров немецкой сатиры нашего века Иоахима Рингельнаца и Курта Тухольского. Не случайно представлен и Георг Гейм, малознакомый нашему читателю лирик. И, конечно же, совсем не случайно самый большой раздел сборника отдан немецкой поэзии XVII века. Эта работа Л. Гинзбурга опубликована отдельной книгой, и она заслуживает особого разговора.

О немецких поэтах семнадцатого столетия — за редкими исключениями — мы знаем мало. Случайные подробности их биографий, даты жизни (и то не всегда установленные точно) — вот зачастую и все скудные сведения, просочившиеся к нам сквозь толщу трех веков. Да и эпоха, в ко-

торую они жили, видится сейчас уже отнюдь не в деталях — скорее обобщенно: мрачная пропасть между Реформацией и Просвещением, черный пролом немецкой истории, озаренной всполохами Тридцатилетней войны. И хотя в любом учебнике мы прочтем, что во время этой опустошительной войны три четверти тогдашнего немецкого населения было уничтожено, сухой язык цифр, его отчуждающая информативность для нас успокоительно привычны. Однако стоит раскрыть книгу «Немецкая поэзия XVII века в переводах Льва Гинзбурга» — и неожиданно близким, обжигающе конкретным становится то, что трудно было разглядеть за скупой статистической сводкой, да еще с отдаления в три с лишним столетия. «Забиты трупами отравленные реки...» Одна эта строка Андреаса Грифиуса скажет о том лихолетье больше, чем многие страницы учебников.

Не мудрено, что в кружевы бурного и жестокого времени, в кипении его свирепых политических страстей, в неистовстве идейных борений, в дыме пожаров, в безмолвии повальных эпидемий и голода иные биографии затерялись почти совсем. Но те, что дошли до нас хотя бы во фрагментах, заботливо собраны Л. Гинзбургом в примечаниях. Эти лаконичные сообщения стоит прочесть, они, как и стихи, тоже дышат драматизмом удивительной эпохи, где высочайшая ученость соседствовала с диким варварством, где от научного открытия до плахи или костра — рукой подать.

Вот Мартин Опиц, один из образованнейших людей той поры, придворный поэт и мудрый (увы, неавторитетный) советчик нескольких князей и монархов, которых он, мечтая восстановить мир в Германии, тщетно пытался «просветить». С дипломатическими миссиями объездил пол-Европы, был замешан в самых затаенных политических интригах, трижды менял вероисповедание, побеждал на полях сражений и бежал с них, спасаясь от торжествующего неприятеля, последние годы жизни провел при дворе польского короля в Данциге, работая над историей Польши, умер от чумы. Когда он успевал среди передрачт своей беспокойной, рискованной жизни писать книги по теории стихосложения, ставшие фундаментом классической немецкой поэтики, переводить с латыни и французского, не говоря уж о стихотворстве?

Или другой замечательный поэт, Пауль Флеминг, умерший в тридцать один год. О юности его почти ничего не известно. Бедствия и голод военных лет заставили его примкнуть к знаменитой торгово-дипломатической миссии Олеария через Россию в Персию. Флеминг проехал по Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани, несколько месяцев провел в Москве и Новгороде, писал стихи о России и жизни ее народа.

А вот совсем коротенькая биографическая справка, цитирую ее полностью: «Квинус Кульман (1651—1689) — проповед-

ник, последователь учения Якова Бёме и чешских философов-мистиков, странствовал паломником по многим странам Европы в качестве политического и религиозного агитатора. Приобрел репутацию опасного фанатика, неоднократно сидел в тюрьмах Германии, Голландии, Англии, подвергался преследованиям. Прослышав, что в Москве, в Немецкой слободе, есть группа последователей учения Бёме, прибыл в Москву, где по жалобе главного пастора московскому патриарху был арестован и после страшных пыток сожжен». Читая жутковатый чертеж этой жизни, понимаешь сарказм Фридриха Логау, предлагавшего современникам такой вот рецепт «отважной честности»:

Что значит в наши дни быть баснословно смелым?
Звать черным черное, а белое звать белым,
Чрезмерно громких од убийству не слагать,
Лгать только по нужде, а без нужды не лгать.

Они неповторимо различны, эти поэтические голоса, донесшиеся до нас через столетия: классически ясный, строгий Мартин Опиз, чья миссия в истории немецкой поэзии под стать миссии Ломоносова в поэзии русской; язвительно-ироничный, склонный к горькому афоризму Фридрих Логау; богобоязненный и наставительный Пауль Гергардт; выстрадавший точный и сдержанно страстный Андреас Грифиус; вечно сомневающийся и спорящий с самим собой Пауль Флеминг; непринужденно светский, изысканно мелодичный Иоганн Клай; жизнелюбивый и искренний Христиан Гофмансвальдау... Л. Гинзбург сумел слышать и передать интонационное своеобразие каждого из стихотворцев, представленных в этой книге. Но за различиями нельзя не заметить и общности, она — в суровой достоверности почти документальных свидетельств о своем времени, в напряженности раздумий о судьбах отечества на крутых поворотах истории.

Именно в этом смысле немецкие поэты XVII столетия были, по меткому определению Иоганнеса Бехера, поэтами «насквозь политическими», а искусство их, вызвавшее к сознанию и совести современников, — искусством глубоко гражданственным. Впрочем, этих поэтов роднит не только гражданственный пафос: их объединяет и общее стремление к образам величественным и универсальным: человек — и мироздание, время — и вечность. За этой монументальностью, обобщенностью взгляда все случайное, частное, отдельное как бы скрадывается, отходит на второй план. В суровом, почти аскетическом пренебрежении индивидуальным, которое в ту пору еще не мыслилось вне общечеловеческого, в отрыве от родового — особенность поэтики, ее тоже надо было почувствовать. Если Мартин Опиз пишет о безответной любви, то не только и не столько о своей единственной, пронзительной, безнадежной, той самой, на которой «свет клином», — сколько о безответной любви вообще; он

создает, если угодно, образец стихотворения о несчастливой любви — точно так же, как предписывает он «Образец сонета».

Или вот придворный поэт Георг Рудольф Векерлин творит траурную оду «На раннюю смерть Анны Августы, маркграфини Баденской» — он пишет ее не потому, что кончина одиннадцатилетнего ребенка поражает (детская смерть в те годы — не редкость) или тяготит его невосполнимостью личной утраты (он и видел-то девочку, быть может, всего несколько раз). Скорее всего, ода ему просто заказана, и вот в изысканных вариациях тщательно подобранных сравнений и метафор возникают очертания величественного надгробья, в грандиозной обобщенности которого выражен трагизм не данной смерти — а Смерти как непреложного закона бытия. Лирика конкретного переживания, поэтизация неповторимого мига жизни тогда была еще не в чести, только на исходе столетия прозвучат гениальные ее провозвестия в стихах нищего студента и бродяги Иоганна Христиана Гюнтера, которого современники, впрочем, не поймут и даже не расслышат и лишь потомки оценят по достоинству.

Искусство немецких поэтов XVII столетия — той же природы, что искусство Рембрандта и Баха, и его монументальную обобщенность непросто передать в русском стихе. Тут, где сшибаются контрасты, где нет места для полутонов, где мощная символика спорит с величественной аллегорией, где любой гипербола все равно мало, где образы нанизаны друг на друга и сплетены в долгий, прихотливый орнамент, а многословная патетика еще хранит и пыл проповеди, и отрешенность псалма, — тут Л. Гинзбург призывает на помощь стих энергичный, экспрессивный, напористый, не чурающийся прозаизмов и просторечий, любящий играть антитезами.

М. РУДНИККИЯ

Издано
за рубежом

«ГОРОД» ЯНА ШИМОНОВИЧА

Ján Šimonovič. Mesto. Bratislava, Sme-
na, 1976.

В конце пятидесятих годов в словацкую литературу вступило новое, молодое поколение поэтов, которому критика впоследствии дала наименование «конкретисты». Это не слишком удачное обозначение ассоциируется с термином